

- ⁹ 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆. 第七版. 2016. 第1380页 [Люй Шусян, Дин Шэншу. Сяньдай ханьюй цыдянь (Современный словарь китайского языка). Бэйцзин: Шануиньшугуань. 7-ое изд. 2016. С. 1380].
- ¹⁰ 马仿仿. 民间信仰与地方社会: 山东定陶地区“家户型香堂”研究. 硕士论文: 广东技术师范学院. 2018. 年, 第15页. [Ма Фанфан. Миньцзянь синьян юй дифан шэхуэй: Шандун Динтао дицюй цзяхусин сянтан яньцзю. (Народная вера и местное общество: исследование «Дома Сяньтан» в районе Динтао). 2018. С. 15].
- ¹¹ 孟敏. 山东临朐地区民间“香站”信仰研究. 硕士论文: 中国海洋大学. 2014年, 第7页. [Мэн Минь. Исследование народных верований в «Сянчжань» в районе Линьцюй провинции Шаньдун. Магистерская диссертация. Китайский океанский университет, 2014. С. 7.]
- ¹² Суеверие: Если люди (особенно дети) вдруг не в своем уме, в подавленном настроении, то говорят, что они потеряли свою душу.
- ¹³ Там же. С. 34.
- ¹⁴ Если предки не получат должные дары, то также принесут беду и накажут своих детей и внуков.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.2.09

Предвестники и знаки смерти в представлениях украинцев Саратовской области

Дарья Геннадьевна Чубукова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация; e-mail: dchubukova37@gmail.com

Ключевые слова: украинский анклав, быличка, исследования
смерти, народные представления, традиционная культура

Harbingers and signs of death as perceived by Ukrainians in Saratov region

Daria G. Chubukova

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: dchubukova37@gmail.com

Keywords: Ukrainian enclave, memorate, death studies, folk
performances, traditional culture

Тема смерти, будучи актуальной во все времена, неизбежно занимает одно из центральных мест в традиционной культуре, в том числе в культуре славянских народов. Отношение к смерти и широкий круг связанных с ней смыслов дают представление о глубинных аспектах народной культуры, поэтому понятен интерес, который проявляли и проявляют к этой теме исследователи как в России, так и за рубежом. Одним из таких аспектов являются представления о предвестниках и знаках смерти.

В настоящей работе эти представления рассматриваются на примере традиции Терсянско-Еланского украинского анклава Саратовской области, в котором в 2012–2019 гг. проходила полевая практика студентов ЦТСФ РГГУ. Источниковой базой работы служат интервью с жителями Самойловского района Саратовской области, проведенные по опросникам Полесского этнолингвистического сборника¹.

В украинском анклаве Саратовской области устойчиво сохраняются представления о том, что непосредственное приближение смерти предвещают различные приметы и сны. Цель работы — описать и проанализировать представления о предвестниках скорой смерти, которые эксплицируются в фольклорных текстах, мифологических представлениях, похоронном обряде и поминальных практиках исследуемым сообществом.

В традиции украинского анклава Саратовской области с предвестием смерти связано множество примет — непрекращающийся вой собаки ночью со двора, сидящий на трубе или крыше дома сыч, неожиданный стук в окно или дверь, голоса и т.п. Отдельной категорией примет смерти следует считать те, которые актуализируются в контексте погребального обряда: если человек умер с открытыми или приоткрытыми глазами, это значит, что он с собой кого-то уведет — в скором времени умрет еще кто-то из окружения покойного. Кроме того, считается, что после двух смертей обязательно будет третья.

В системе традиционных представлений украинцев Самойловского анклава заметное место среди предвестников

смерти занимают сны. Так, например, устойчивый характер имеет общераспространенное представление о том, что видеть выпадение зубов во сне — к смерти родственника. В то же время некоторые сны самого различного содержания могут получить статус вещей уже после того, как за ними последовало трагическое событие. При этом прогностический смысл может приобрести и сон, который сам покойный успел рассказать перед смертью.

Пожалуй, основным типом сновидений, предвещающих смерть, являются те, в которых приходят умершие родственники. Ранее нами уже упоминалось, что сны в традиции анклава являются одним из способов коммуникации с умершим². В частности, информанты нередко трактуют явление покойника во сне как прогностический знак, свидетельствующий о скорой перемене погоды (к дождю летом или снегу зимой), реже о болезни или смерти.

Само по себе появление покойника во сне, как правило, еще не представляет опасности для спящего*, однако широко распространено поверье, что ни в коем случае нельзя идти вслед за ним, если он зовет тебя, иначе вскоре умрешь: *«[А не говорили люди, что приходят покойники?] Цзуб нэ зная. Ёсли пряды коуб звать, то он ужэ прядэ забирать»* (Коржова Валентина Владимировна, 1937 г.р., с. Залесянка).

Нельзя не упомянуть, что одним из предвестников скорой смерти в изучаемой традиции является контакт человека с демонологическими персонажами, например, с домовым. В анклаве существует представление о том, что домовый показывается или душит в знаковые моменты жизни домочадцев. Стоит заметить, что в анклавной традиции мы не зафиксировали ни одной записи, где появление домового предвещало бы положительное изменение в судьбе че-

* По представлениям жителей анклава, явление покойника во сне может свидетельствовать о том, что он в чем-нибудь нуждается. Например, необходимо положить какую-либо вещь ему в могилу или передать эту вещь через другого покойника (положить ее в гроб). Также появление покойника может быть связано с календарным циклом поминовения умерших. Соответственно, его нужно помянуть.

ловека. Чаще всего оно предвещает смерть кого-то из близких: «*Сестра́ моя <...> А пэрэд отцо́м, пэрэд похоро́нами, пэрэд смэртью. Кажэ́т: «Ду́ша мэ́нэ, лягло́ в шерсти́ вся, и я, — кажэ́, — «о цэ, к добру́ или к ху́ду?» А он: «К ху́ду! К ху́ду! (Нрзб.) К ху́ду!» И отце́ у́мер. Приезжа́ла на по́хороны, цэ́ раскэ́зывала мэ́нэ, как пэ́ред э́тим домово́й души́вец» (Шевцова Лидия Михайловна, 1937 г.р., с. Еловатка).*

Иногда информант не осознает этой прогностической функции контакта с домовым, но в нарративе маркирует контакт тем, что он случился перед смертью близкого человека: «*Лежи́т, мо́жет, спит, мо́жет, се́рдце остано́вится. Ды́хатъ не́чем. И, вро́де, ктось на тэ́бэ сиди́т. Начинáешь моли́тву — исче́зэ. Я то раз лежа́ла, ещэ́ ви́н живы́й был. Ти́льки лялу́. Я нэ́ знаю́, засну́ла. Чу́ю, о́коло мэ́на: «кхе, кхе, кхе». Я как взлито́ла. И сижу́. Ду́маю, ниче́уо сибэ́. Вро́де, свяче́ной водо́й побры́зувала. Вро́де, ниче́уо. [А не спрашивали, на добро́ или на худо́?] Якэ́ там добро́? Испу́а́йся, е́сли нема́ не́уде́ нико́уо, рядо́м с тобо́й ка́шляет. Якэ́ там добро́?» (Лёвина Людмила Леонтьевна, 1941 г.р., п. Самойловка).*

Иногда человек сам провоцирует контакт с домовым, чтобы узнать будущее своих близких, однако и в этом случае такой контакт не предвещает благоприятных изменений в судьбе: «*И когда́ у ба́бушки бра́ли сыно́у́ в а́рмию. То ба́бушка ўо́т... домово́й... и она́ спра́шивает: «На ху́до чи на добро́?» Так сказа́л: «На ху́до!» У ба́бушки четы́ре сы́на бы́ло у моё́й. Оте́ц мой и три бра́та — все поу́йбли» (Седикова Раиса Петровна, 1931 г.р., п. Самойловка).*

В целом, можно сказать, что в украинском анклаве Саратовской области достаточно хорошо сохраняются традиционные славянские представления о возможных предвестниках скорой смерти — приметах, снах; актуализируется прогностическая функция домового.

Примечания

- ¹ Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
- ² Чубукова Д.Г. Коммуникация живых и умерших в традиции украинского анклава Саратовской области // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 247–251.